

Светлана Ильичева

СЛЕД ДЕМОНА

Документальная повесть

18+

Екатеринбург
2023

Светлана Ильичёва

След демона

«Автор»

2023

Ильичёва С. В.

След демона / С. В. Ильичёва — «Автор», 2023

Замысел этой документальной повести можно определить коротко - о времени и о себе. Автор по-своему рассказывает о самых известных исторических событиях, уже миллионы раз описанных, исследованных, интерпретированных. Но собственное видение известных фактов и явлений, касается ли это захоронения царских останков, ухода ли Прибалтики из состава СССР или роли красных латышских стрелков в революционном прошлом России, помогает Светлане Ильичевой донести до читателей своё особое мнение.

© Ильичёва С. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Вижу родной Свердловск	5
Прошлого живые корни	8
«Заслуги латышей отмечены»	11
Кто вы, профессор Свикке	15
Поручение Ленина и «демон»	18
Комиссар Родионов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Ильичёва След демона

Вижу родной Свердловск

Наш Дворец пионеров (Бывшая усадьба Харитоновых)

Если сесть на фанерку, то можно скатиться по обрыву на замёрзший пруд. Потом идти утоптанной тропинкой к противоположному берегу. Зима 1944 года стояла на Урале лютая. Но мы, серьёзные люди, не хотели опаздывать на спевку в хор малышей. И всегда держались вдвоём – я и старшая сестра Лариса, моя "воспитательница" и защитница. Хотя разница-то у нас меньше трёх лет.

На том берегу карабкаемся на гранитный выступ. Летом его омывает пруд, а зимой лёд застывает глыбами. С выступа на них и на нас смотрят две каменные фигуры: слева женская с огромным изваянием барана у ног, справа дядька с бревном. Мы и не подозреваем, что проходим мимо символов социализма – людей ударного труда. Не знаем ещё, что дядька держит не бревно, а отбойный молоток. Проскакиваем быстро до ступенек, ведущих на набережную. Мигом вылетаем на набережную. В неё перпендикуляром упирается переулок имени Клары Цеткин. Но имя женщины, придумавшей праздник 8 марта, интересует нас меньше всего. Просто надо пройти этот отрезок маршрута на пути к цели. По сторонам стоят деревянные особняки с глухими заборами, плиты тротуаров из уральского гранита. А проезжая часть – земля-матушка, непролазная грязь по весне. Клара Цеткин упирается в Карла Либкнехта. (По старому – Воскресенский переулок и Воскресенский проспект). На их стыке, на углу, под горкой, стоит светлый двухэтажный особняк. Как-то ещё до войны, мы шли здесь всей семьёй, в гости к бабушке, и отец сказал: – В этом доме расстреляли царя.

Детская память навсегда зацепила тревожный смысл сказанного.

Мы останавливаемся. Долго пялимся в низкие окна первого этажа, лёжа животом на широком железном подоконнике, переходим от одного к другому. Из окон глядит темнота. Что мы надеемся увидеть в ней? Хотя "то самое" окно находится за углом, со стороны Клары Цеткин. Но мы "идентифицировали" его только через несколько десятков лет. А сейчас надо слезть с подоконника, подняться на горку, пересечь улицу Карла Либкнехта и через заснеженный скверик подойти к парадному входу свердловского Дворца пионеров. До пионеров мы ещё не доросли. Но дворец принимал всех. Он фактически спасал детей войны от беспризорности. Там работали кружки по интересам детей. Например, в драматическом кружке

под руководством педагога Диковского занимались, в частности, будущие известные актёры – Александр Демьяненко, Альберт Филозов... Шахматный клуб посещал мальчик Герман Дробиз – впоследствии классик уральской литературы. Многие другие дети войны. Отцы воевали, матери сутками работали. Всё для фронта, всё для победы!

Дворец занимал бывшую усадьбу Расторгуевых-Харитоновых, памятник архитектуры. Он сохранился и по сей день. Правда, хиреет. Хор малышей репетировал в большом зале второго этажа: лепной потолок, блестящий паркет, высокие окна за белоснежными шторами с фалдами и огромный рояль на ковре. А хормейстер! Мягкая добрая Мария Абрамовна Мебель. Красавица.

Мы пели старательно, с чувством выводили мелодию, особенно трогательно получалась "замучен тяжёлой неволей". Её готовили к январским ленинским дням для областного радио. На гастроли ездили в военные госпитали. Пели для раненых, не прыгали, не дёргались, руки по швам и осознание важности момента. Скромные неизбалованные дети голодных военных лет. Перед концертами нам иногда давали царское угощение – паёк: серая булочка, кулёчек конфет-подушечек и суфле, что-то вроде современного жидкого йогурта. Однажды в город прибыла делегация союзников. Это были англичане. Им показали достопримечательность – наш дворец. Угостили большим детским концертом. Хор малышей выступал после танцоров. Мы нарядились в "сценические" костюмы: белая блузка, чёрная атласная юбочка и два красных газовых банта – в волосах и на груди. Построились в линеечку, по росту. Впереди самые маленькие. А я первая малявка. Бодренько вывела всю линеечку на авансцену, и мы запели. О чём? Конечно, о Сталине, о счастливом детстве, о маленьком – удаленьком мальчике, собравшем мешок металлолома, а также "мой лизочек так уж мал" и "мой сурок со мной". Так и не знаю, кто такой "лизочек". Мы показали этим тори и вигам, что Урал живёт и куёт победу над Гитлером.

В семидесятые годы в очередной приезд на родину кто-то сказал мне, что Мария Абрамовна Мебель трагически погибла под колёсами поезда...

...А в дом Ипатьева мы всё-таки попали, сообразив однажды, что здесь находится открытый для всех музей. Точнее – Музей революции, бесплатный. (В Википедии ошибочно указано, что музей был закрыт в 1932 г. Нет, только в 1947-м). Вход со стороны Клары Цеткин. Одностворчатая дверь под железным козырьком на узорчатых опорах. Вошли сначала в коридорчик, потом направо, через открытую дверь в первую комнату. Против единственного окна, у стены, стояла на четырёх ножках горизонтальная витрина. Под стеклом лежали кандалы, ржавые, старые. Они символизировали царскую каторгу. Слева от окна – приоткрытая дверь. Заглянули туда: из темноты выступал боком большой сундук. Не знали мы тогда, что попали в жуткое место, в "смертную камеру", на Русскую голгофу! Свидетельствую, она (в 7 аршин и 8 вершков) находилась всё-таки не в подвале, как пишут многие, а в первом этаже двухэтажного особняка.

В другой комнате мы наконец-то увидели царя. На картине. Она изображала его прибытие из Тобольска в Екатеринбург. Нам вдруг стало скучно и неинтересно. Не захотелось идти на второй этаж. А зря. Говорят, там была какая-то мебель, даже царские вещи... Отдельные мелочи есть сейчас в краеведческом музее Екатеринбурга.

Мы пробежали через все комнаты первого этажа, выскочили во двор, потом через открытые ворота – на Карла Либкнехта. Спустя много лет я поняла, что именно таким путём выносили одиннадцать трупов из той проклятой комнаты. В шестидесятые годы комната "ослепла". Её единственное окно, выходящее на Клару Цеткин, замуровали, заштукатурили. Трагична судьба и самого дома. Постановление Политбюро ЦК КПСС о его сносе было принято 4 августа 1975 года. Тогда первым секретарём свердловского обкома КПСС был Яков Петрович Рябов. Он понимал, что документом такого уровня дом обречён. Но не торопился. Дом Ипатьева имел статус памятника истории, за его сохранение боролись ветераны, краеведы. Шли протестные письма Сулову, Брежневу. Но в 1976 году Я. П. Рябова перевели на работу в Москву. Его место в Свердловске занял Ельцин. Он-то и поспешил избавиться от кровавого места. Приказали, мол! В сентябре 1977 года по приказу Ельцина дом Ипатьева был стёрт с лица земли.

Прошлого живые корни

Книгу Соколова "Убийство царской семьи" мне удалось прочитать в 1979 году. Тогда эта тема была под большим запретом. Но в спец-фонде рижской публичной библиотеки имени Вилиса Лациса (сейчас Национальная библиотека Латвии) книгу выдали по просьбе моей редакции. На плане первого этажа дома Ипатьева чья-то рука карандашом написала – "смертная камера". Тогда-то я и поняла где именно мы побывали с сестрой! После революции 1917 года в Ригу переехало немало русских дворянских семей. Кто-то скрупулёзно вчитывался в каждое слово Николая Соколова, единственного в мире профессионального следователя, работавшего по свежим следам событий. Первые читатели, а книга вышла в Берлине в 1925 году, оставили на её страницах оскорбительные антисемитские надписи рядом с фамилиями Юровского, Голощёкина, Войкова, Свердлова... В сороковые-пятидесятые годы на Урале хорошо знали очень популярную персону – старого большевика Петра Захаровича Ермакова, "бандита с большой дороги", очень гордого своим прошлым. Году в 1950 – 51-м мой отец Ильичев Владимир Яковлевич несколько дней лежал в спецбольнице Свердловска в одной палате с Ермаковым. Тот гордо представился персональным убийцей Николая II. Ермаков, лукаво посмеиваясь, задавал почти сам себе вопрос: "Знаешь, кто убил царя?" Выдержав паузу, торжественно отвечал: "Это ведь я!", и тыкал пальцем в свою грудь. Отец уже тогда собирал документы, сведения, воспоминания очевидцев. Намеревался написать книгу. Но не успел, не смог, глухое было время... У меня есть последняя возможность хотя бы частично воплотить его замысел.

Кем был мой отец? Однозначно не ответить. В честь рождения каждого своего ребёнка он покупал книгу. Моё появление на свет отметил "Адамом Мицкевичем". В честь Ларисы приобрёл "Сумерки" Баратынского. Книги собирал почти с детства. Ещё школьником знал всех московских букинистов. Подростком был на похоронах Есенина на Ваганьковском кладбище: залез на тополь, чтобы лучше видеть процессию; потерял галошу, за что попало дома. С удовольствием учился в МГУ на факультете литературы и искусства. (Позже реорганизованный.) Восхищался лекциями академика А. С. Орлова, специалиста по древнерусской литературе, литературоведа профессора В. Ф. Переверзева... Помню, с какой горечью, возвращаясь к студенческим годам, вспоминал о трагической судьбе этого учёного. Профессора Переверзева необоснованно репрессировали в 1938 году за попытку применить социологический метод в анализе творчества Гоголя, Достоевского; древнерусской литературы.

В 1931 году одновременно с моим отцом этот факультет окончили очень хорошие люди – Борис Мейлах, впоследствии известный советский литературовед, Евгений Поповкин – главный редактор журнала "Москва", автор «Моабитской тетради», героический поэт Муса Джалиль... Через два месяца, в августе 1931 года, отец, оставив работу в "Комсомольской правде", навсегда покинул Москву. Он уехал на Урал по комсомольской путёвке "поднимать уральскую печать". Так он объяснял своё решение в поздние годы. И действительно: именно Владимир Ильичев верстал самый первый номер "Челябинского комсомольца", выпускал первый номер газеты Уральского военного округа "Красный боец", был ответственным секретарём свердловской областной молодёжной газеты "На смену!", заместителем редактора, ответственным секретарём редакции партийной газеты "Уральский рабочий".

В 2008 году после выхода журнала "Урал" № 8 я позвонила в Екатеринбург (так теперь называется родной город) профессору В. В. Блажесу. Поблагодарила за публикацию статьи "Журналист Вл. Ильичев и П. Бажов". Привожу только её преамбулу: "Изучая литературное окружение П. П. Бажова, я обратил внимание на Вл. Ильичева – именно так подписывал свои статьи Владимир Яковлевич Ильичев (1909–1987). Но в многочисленных работах по творчеству Бажова о нём ни слова. Пришлось обратиться к газетным подшивкам прошлых десятилетий, архивным фондам, к родственникам и людям, которые трудились рядом с ним, и выясни-

лось, что он много лет общался с Бажовым, переписывался с ним во время войны, напечатал о нём ряд статей и вообще в те времена активно выступал как литературный критик. Он по болезни перестал заниматься журналистикой, уйдя из редакции газеты "Уральский рабочий" сорок лет назад, в 1967 г., и сегодня его помнят только старые писатели и газетчики, причём диапазон их высказываний о нём самый широкий – от превосходных степеней до сдержанно-однословных, что несколько не удивляет, потому что Ильичев был самодостаточным журналистом, умеющим не только соотнести свою точку зрения с официальной идеологией, но и со знанием дела обосновать собственную позицию, часто весьма критическую. Он сыграл большую роль в истории уральской журналистики – об этом надо писать отдельно. И он заслуживает внимания как автор критических статей и рецензий, как участник регионального литературного процесса: он писал о Г. Троицком, И. Панове, К. Филипповой, А. Бондине, Ю. Хазановиче, В. Старикове, И. Ликстанове, И. Акулове, других писателях. Стоит отметить, что с 1940 г. и до конца пятидесятых (с перерывом на войну) он преподавал в Свердловском институте журналистики и Уральском государственном университете: вёл занятия по организации работы редакции и планированию газетных материалов, по библиографии, литературной критике, театральному рецензированию. (Читал курсы лекций по истории русской журналистики, советской печати – С. И.)

Хотелось бы вынесенную в заглавие тему осветить через несколько сюжетов и показать плодотворность творческих контактов Ильичёва и Бажова – каждый из них внёс свой вклад в историю литературы Урала. Однако, прежде всего, скажем о некоторых значимых биографических вехах Ильичева...»

...Самое яркое детское впечатление о страшном лете 1941 года – уход отца на войну. Мы так вопили, что он сам чуть не плакал. Потом, без него, сидя за столом, мы требовали у матери ставить его портрет рядом с тарелками. Нам в конце концов повезло – он вернулся домой, уцелев в этой смертельной мясорубке. Вот что ответил папа Павлу Петровичу Бажову в письме от 2.03.1944 года: "Вас интересует мой *modus vivendi*. Известна жизнь солдата, побывавшего на шести фронтах и ещё случайно уцелевшего, а теперь готовящегося воевать на седьмом фронте. Повидать, испытать и пережить под Клином, Погорелым Городищем, Ржевом, Старой Руссой, Сталинградом, Ростовом, Таганрогом и в Донбассе мне привелось очень много. Два года я работал инструктором политотдела дивизии, а потом корпуса. Теперь же переучиваюсь на строевого командира – танкиста, и карьера моя начинается сызнова в мае". Он также участвовал и в битве за родную Москву. Но ещё в тридцать седьмом году судьба нанесла ему два тяжёлых удара: в Москве репрессировали отца (нашего деда), военного моряка, участника русско-японской войны 1905 года; а в Свердловске исключили из кандидатов в члены ВКП (б) "за отсутствие проверки работы подчинённых". Правда, через два года восстановили. Но душевная травма осталась до конца жизни. Отец был по-настоящему глубоким человеком, с тонкой впечатлительной натурой. Вот его стихи.

* * *

Зачем мне грезятся места,
Где, увлажнённое туманом,
Созвездье Южного Креста
Горит в ночи над океаном?
Зачем мне дальний мнится шум
Упругих пальм в гавайском парке?
Зачем приходят мне на ум
Стихи Катулла и Петрарки?
Зачем всё это здесь?
Когда,
Сияя холодно над миром,

Одна Полярная звезда
Осталась мне ориентиром.
И мысль рождается, спеша
Приободрить меня ответом:
"Затем, что русская душа
Озарена могучим светом;
Затем, чтоб ты врага догнал
И в Стругах Красных, и во Гдове.
Пусть наступления сигнал
Тебя застанет наготове".

* * *

Мой дед, что ждал иных времён
И звонких песен не чуждался,
Был той гипотезой пленён,
Лаплас в которой не нуждался.
Отец мой встал по праву в строй
Среди героев Порт-Артура,
Но в жизни, на тропе крутой,
Судьба его встречала хмуро.

Мы шли в атаку под Москвой,
Гнались по следу за врагами,
Огнём просвечены насквозь
И запорошены снегами.
Мы бились день и ночь подряд,
Осколки втаптывая в глину,
Когда воспрянул Сталинград,
Лавину захлестнув лавиной.
Дорогами и без дорог
Прошли мы, плечи пригибая,
Наш путь порывистый пролёг
От Селигера до Аксяя.
Гадай, судьба, иль не гадай,
Но до конца, сквозь зной и стужу,
Веди меня и голос дай:
Ведь песни просятся наружу.
Пускай прорвётся песен вал,
Что я держал до срока втуне,
Которых дед мой не певал,
Отец не слышал на Квантуне.

Судьба царственных пленников дома Ипатьева серьёзно волновала его воображение. Но на теме лежало государственное табу, и он понимал, что в обозримом будущем книгу написать просто не удастся. Он привык работать основательно, не наспех, кое-как, чем грешит большинство наших собратьев по перу, возможно и я тоже...

Когда в 1964 году я уезжала в Ригу, папа сказал: – Разыщи в Риге Яна Мартыновича Свикке. Он многое знает.

Разыскала.

«Заслуги латышей отмечены»

Демьян Бедный считался певцом октябрьской революции, её политтехнологом, автор злободневных стихов, частушек, песенок в стиле раёшника, он фактически являлся рупором политики Ленина. Стихотворение "Латышские Красные бойцы", опубликованное 23 октября 1920 года, примитивное по форме, по сути довольно точно отражает роль латышских стрелков:

Заслуги латышей отмечены.

Про них, как правило, пиши:

Любые фланги обеспечены,

Когда на флангах – латыши!

Где в бой вступает латдивизия,

Там белых давят, как мышей.

Готовься ж, врангельская физия,

К удару красных латышей!

Воинские формирования латышских стрелков появились во время первой мировой войны. Весной 1915 года германские войска подошли к Курляндии, юго-западной части Латвии. Верховный главнокомандующий российской армией великий князь Николай Николаевич получил просьбу от двух латышских депутатов IV Государственной Думы Я. Голдманиса и Я. Залита. Они просили разрешения на формирование латышских воинских частей.

Эти части были основой латышской стрелковой дивизии, ставшей военной опорой большевиков после октябрьской революции 1917 года. Именно её полки принимали главное участие в разгроме всех выступлений против советской власти. Они яростно служили революции и Ленину. Известна поговорка: "Советская власть держится на еврейских мозгах, латышских штыках и русских дураках". Латыши занимали многие руководящие посты и после гражданской войны. Иоаким Вацетис возглавлял вооруженные силы страны, Ян Карлович Берзин был начальником охраны Ленина, одним из создателей советской военной разведки, Рейнгольд Берзин командовал Северо-Урало-Сибирским фронтом, Эдуард Петрович Берзин – начальник треста Дальстрой, создатель системы ГУЛАГ, Яков Петерс – правая рука Дзержинского; и многие другие... Фамилия Берзин – русифицированный вариант, по-латышски звучит как Берзиньш, очень распространена в Латвии. Но всех их, как и миллионы других "отблагодарил" Сталин. Они погибли на расстрельном полигоне Коммунарка под Москвой в 1938 году.

В апреле 1970 года в Риге открылся мемориальный Музей революции рядом с памятником красным латышским стрелкам. А через двадцать лет, после объявления независимости Латвии, из него вытряхнули всю экспозицию и архивы, переименовали название и содержание. Сейчас это Музей оккупации Латвии. Вот как!

Некоторые исследователи считают большой загадкой феномен беззаветной преданности латышских красных стрелков делу Ленина. Думается, здесь нет никакой тайны. Социальная психология батрака в первую очередь объясняет ненависть латышей к баронам. У латышей исторически не было своего дворянства, все они вышли из батраков, поколениями работавших в поместьях немецких баронов. В момент создания стрелковых формирований шла война с Германией, Латвии, как государства, ещё не существовало. Были три губернии царской России: Курляндская, Лифляндская и Витебская. Каждый латыш, ставший стрелком, сражаясь против германских войск, психологически защищал свой хутор. Однако ментальная матрица – служение хозяину, господину включает в себя и неистребимое желание независимости. Но оно всегда вторично. Это доказывает история латышского народа. Хотят независимости, а попадают в новую зависимость. По собственному желанию. Отсюда хроническая "историческая боль".

Правительство России в XX веке дважды предавало интересы русского населения в Прибалтике. Имею в виду прежде всего Латвию. Первым это сделал Ленин в 1920 году. Тогда, 11

августа, был подписан Рижский договор между советской Россией и Латвией. Латвия получила Курляндскую губернию, южную часть Лифляндской губернии (Рижский, Венденский (Цесисский), Вольмарский (Валмиерский) уезды, большую часть Валкского уезда, а также северо-западную часть Витебской губернии: Двинский (Даугавпилсский), Люцинский (Лудзенский), Режицкий (Резекненский) уезды и две волости Дриссенского уезда. Отдала Россия и часть Островского уезда Псковской губернии с городом Пыталово и чисто русским населением. Короче говоря, только в 1920 году появилось государство под названием Латвия.

Мне пришлось побывать в Пыталово в сентябре 1990 года. Как раз в разгар латвийской "песенной революции". Когда в 1940 году Латвия вошла в состав СССР, это стало особенно радостным событием для русских людей Пыталовского района. Горячо на нашей встрече высказывался Николай Александрович Алексеев, житель самого древнего места в районе – Вышгородка. Родился здесь и вырос, все двадцать лет прожил под властью Латвийской Республики. Воевал в Великую Отечественную войну рядовым солдатом, участвовал в штурме Кёнигсберга. " Я ещё при Латвии в школу пошёл, – рассказывал он. – Что мне вспоминать не хочется, так это запрет на русский язык. Слова не давали по-русски сказать. Закон божий учили по-латышски. Волостной старшина русский-то хорошо знал, а не хотел с нами разговаривать. Нанимай переводчика, плати ему пятнадцать сантимов. Нет, не мечтаю я, чтобы снова под Латвию попасть. У нас, в Вышгородке, никто не хочет. Вчерась на сельский сход собирались. Обсуждали что такое они затеяли. Говорю вам серьёзно: если насильно станут наш район отбирать, прямо гражданская война начнётся."

А накануне было вот что. На бабу Матросиху вышел большой спрос. После обеда к её дому подкатили три автобуса – ГАЗ, ЛАЗ и "рафик". В Пыталово автобусы заметили сразу, как только они пересекли границу района. Бросалась в глаза надпись на головной машине – "Абрене" и красный – бело-красный флаг. Весть об автоколонне с латвийскими номерами разлетелась быстрее, чем по "сарафанному радио". Сотни настороженных глаз следили за передвижением незваных гостей. Вот они следуют по трассе Каунас – Новгород. Вот свернули на просёлок и затормозили у крашеного жёлтой краской бабкиного дома, где она откупила половину... Видели люди, как выпорхнула не по годам легко Матросиха и уселась в "рафик". Это она, наподобие Ивана Сусанина, вызвалась сопроводить приезжих (мимо лугов, по петляющей грунтовке, через заросли ольхи и елей, по вздыбленной гриве вдоль речки Лжа) на Маслиху. Был там когда-то, а точнее с 1920 года, пограничный кордон. Остался на высокой лесной площадке, по-над берегом, под еловыми лапами обвалившийся бетонированный дзот, а у заросшего оврага лежат фрагменты каменных ворот. Редко кто заходит сюда. Разве что грибники, да лоси. И вот вдруг сподобилось вспомнить о бывшей российско-латвийской границе приезжим из Латвии.

Вели они себя по-хозяйски. Растропные парни с лопатами быстро выкопали яму, поставили туда двухметровый дубовый крест, женщины обвили его гирляндами из дубовых листьев и красно-бело-красных лент. Сверкнула на солнце металлическая пластинка с надписью на двух языках: "Пограничникам Латвийской Республики, убитым оккупантами 15 июня 1940 года". Два лютеранских священника тут же отслужили панихиду. Потом полились обличительные речи. Активничали человек восемь, остальные держались поодаль. В самый разгар на поляну прибыли председатель Пыталовского райисполкома Николай Воробьёв и начальник районного отдела милиции подполковник Александр Савастьянов. Суть произносимых по-латышски речей они поняли без переводчика. Звучали призывы к прекращению "советской оккупации", к образованию гражданских комитетов, которым надлежит вести борьбу за присоединение Пыталовского района к Латвии. Представители власти попросили у гостей документы. Старший представился: Козловский Вильгельм Константинович – адвокат 1-й рижской юридической консультации, член ДННЛ. (Движение за национальную независимость Латвии), латышские националисты. Он сообщил также, что сегодня, 23 августа, в день 51-й годовщины

подписания пакта Риббентропа-Молотова, они скорбят о погибших на этом месте двух латышских пограничниках.

Руководители района препроводили приезжих "на выход". Когда их автобусы подъехали к местному кладбищу, члены ДННЛ вышли и попытались повторить речи, произнесённые на Маслихе. Тогда выступили жители Пыталово. Они недоумевали. На кладбище есть только две латышские могилы. "Что вам здесь нужно? Земли вы хотите? Так она наша, мы её не отдадим. Уезжайте подобиру-поздорову".

У пыталовчан имелись все основания говорить так, а не иначе.. За несколько дней до этого произошли события, взбудоражившие весь район. 5 августа какие-то шустрые молодые люди установили пограничные знаки на территории соседнего Печорского района. 18 и 19 августа в посёлках Носово и Гавры появились листовки, выброшенные из легковушки, проходящей на большой скорости. Листовки разбрасывались также на окраине райцентра Пыталово, а также в Красногородском и Островском районах. "...Напоминаем вам, что Абрэнский (Пыталовский) округ, – сообщалось в листовке, – это древняя латышская территория и законная составная часть Латвийской Республики". Далее утверждалось, что у латышей есть претензии не только на Пыталово, а также на Вышгородскую, Качаповскую и Толковскую волости Псковской губернии. Всё, конечно, весьма далеко от истины. Даже пограничный эпизод, по которому скорбели националы вокруг дубового креста на берегу Лжи, преподносится как крупный международный конфликт: "В ночь с 14 на 15 июня красноармейцы напали на Латвийский пограничный пост в деревне Маслénки Абрэнского уезда. Несколько пограничников убили, а гражданских жителей угнали на территорию СССР".

Но были ещё живы в 1990 году люди, хорошо помнящие те события. Один из них – пенсионер Воронов Анатолий Иванович: "Нет, то было не в сороковом, а в тридцать девятом году. В аккурат летом. Не все пограничники стояли на Маслихе. Там взвод их был. Остальные жили по частным квартирам в Шмайлах. Парни молодые с местными русскими девчонками веселились на Маслихе. Девчонки как загуляют, берут у парней ружьё и палят в тот берег, по "грибкам". У красноармейцев посты под "грибками" были. Вот раз надоело им. Они ответили. С латышской стороны пограничники стали всерьёз стрелять. Погибло их в перестрелке двое. У красноармейцев тоже были убитые, не знаю сколько. Перешли они речку вброд, забрали тех девок и увезли в г.Остров, в комендатуру. А через две недели отпустили. Вот недавно последняя из тех девок померла. Она мне родственницей приходилась. А там, на Маслихе, ни одной могилы нет. Увезли погибших тогда же."

Искренне возмущался претензиями Латвии на русскую землю агроном из посёлка Гавры Олег Яковлевич Максимов: – Тут в "призыве" пишут, что в сороковом году "местные крестьяне протестовали против присоединения к России". Ложь! Помню, когда открыли границу с Россией в сороковом году, тысячи две народу шли на Бороус, к бывшей границе, многие даже плакали от радости. Такой подъём был! Наш колодец по дороге весь выпили, целый колодец осушили! Вот сколько народу шло...

Советский Союз ещё существовал. Но 15 августа 1990 года Совет Министров Латвии принял очень странное постановление "О восстановлении сухопутных границ республики с Белоруссией, Литвой, Россией и Эстонией в рамках границ на 16 июля 1940 года" Очень хотелось маленькой Латвии расширить свои владения.

На дворе уже 2014 год. Юридически независимая республика продолжает постоянно что-то требовать от России, например финансовой компенсации за "оккупацию".

В 2004 году Латвийская Республика стала членом Европейского Союза. Непременным условием вступления в ЕС была обязательная демаркация её границ. В мае 2005 года Россия отказалась подписать с Латвией договор о границе, так как в приложенной декларации содержались территориальные претензии. Президент России В.В.Путин на встрече с коллективом газеты «Комсомольская правда» в мае 2005 года высказался по этому поводу весьма резко:

"Не Пыталовский район они получают, а от мёртвого осла уши". Только в 2007 году Фрадков от имени России и Калвитис от Латвии подписали – таки договор о границе. Без всякой дополнительной декларации. Но до сих пор какой-нибудь национально озабоченный нет-нет, да и вспомнит: – Отдайте Абрене!

Кто вы, профессор Свикке

?

Ян Мартынович Свикке был в Риге человек известный. Многие над ним посмеивались, не принимали всерьёз. Он так же, как и Ермаков, утверждал: "Это я убил царя!". Жил он в необъятной по размерам квартире, в самом центре города, напротив Бастионной горки. Очень красивое место. Отсюда пара шагов до Старой Риги, рядом, за фонтаном, белеет здание оперного театра и совсем близко высится Милда, точнее памятник Свободе – женская фигура, поднявшая на вытянутых руках три золотых звезды. Национальная святыня латышского народа. Она стоит на месте бывшего постамента с "кумиром на бронзовом коне", Петром Первым. Он был воздвигнут на средства горожан в честь двухсотлетия Полтавской битвы и освобождения Риги от шведского владычества. Но демонтирован по приказу царского правительства в начале первой мировой войны, так как Россия нуждалась в металле.

Был 1964-й год. Разгар развитого социализма, закат хрущёвской оттепели. Старые большевики пользовались большим почётом, исключительными льготами. Не удивительно, что Свикке с женой занимали тогда старинную "господскую" квартиру с огромным залом, бесчисленными коридорами, высокими окнами, дубовыми дверями с медными ручками. Но достаточно запущенную и неухоженную. Мощную старинную дверь молча открыла пожилая женщина в фартучке, в полумраке коридора я не разглядела её лица. А жаль: только позже я поняла, что это была Амалия, верная спутница жизни Я.М.Свикке. Профессор имел свой кабинет в дальнем углу пустующей гостиной, отгороженный мощным антикварным буфетом. Там стоял двух тумбовый письменный стол со следами

времени, поодаль, на полу, лежал запылённый старомодный чемодан. Сам хозяин сидел за столом спиной к буфету, лицом к стене, и очень важно кивнул на моё приветствие, повернув голову вправо. Мне он показался чем-то похожим на писателя Фёдора Гладкова. Сходство подчёркивалось овалом лица и круглыми, с большим увеличением, очками. У него сидел гость, довольно молодой мужчина по фамилии Корольков. С тех пор в течение сорока лет я его больше никогда не встречала. А тогда, как я поняла, он явился с очередным визитом в намерении написать книгу о славном ленинце. Но так и не написал.

Ян Мартынович встретил меня недоверчивым взглядом, но весьма заинтересованно. Чувствовалось, что он по-человечески рад вниманию и очень в нём нуждается. Во-первых,

просто как пожилой человек, а во-вторых, как деятель революции, о котором с годами забыли. Отсюда обида в его голосе, проецирующаяся почему-то на меня. Вероятно так же он принял бы любого представителя прессы. В данном случае попалась я. Но его, возможно, подкупил неподдельно уважительный тон, некоторая осведомлённость. Я прекрасно понимала, что передо мной старый профессиональный чекист. И он в конце-концов разговорился. Визитёр Корольков посреди беседы раскланялся и ушёл. Заскучал что-то. Свикке беседовал с ощущением собственной значимости. Что ж, наверное это было справедливо. Родился он в 1885 году. В Курляндии, деревня Вецумниеки Бауского уезда. В тот год на свет появились Нильс Бор, Сергей Герасимов, Велемир Хлебников, а также Михаил Фрунзе и Яков Свердлов. Вот с последним судьба Свикке сошлась однажды в известной географической точке. На Урале. Но до того бедному курляндскому мальчишке пришлось немало пережить, чтобы выйти в люди.

Отец – батрак отдал Яниса (так звучит имя по-латышски) в пастухи. Так в восемь лет от роду началась его трудовая жизнь. Чуть подрос и отправился в Ригу, устроился мальчиком на побегушках у богатого торговца. Потом работал в пекарне, не ахти какая карьера, но зато был хлеб. Сумел сблизиться с рижскими индустриальными рабочими. Объединение пекарей послало его за границу, в "путешествие подмастерьев". Там, в Берлине и Гамбурге, он примыкает к социал-демократам, и уже дома, в Риге, вступает в СДП Латвии. Свой партийный стаж Свикке считает с 1904 года. В заграничном путешествии он "поправил" свою латышскую фамилию на немецкий манер. Был урождённый Свитис, стал Свикке. Впрочем, он иногда пользовался родной фамилией. Но позже, когда издавал в 1918 году газету "Вперёд!" (Uz priekshu!) на Урале.

Профессиональный революционер, он был пять раз арестован, жил в эмиграции, потом в Москве, учился. В послужном списке 1917–1918 годов – должность комиссара рижской народной милиции. В 1918–1919 годах – военный комиссар дивизии, член высшей военной инспекции полевого штаба 3-й армии Уральского военного округа, резидент управления ВЧК советской республики, военный комиссар штаба Реввоенсовета. В 1926 году окончил общественно-юридический факультет МГУ имени Шанявского. С 1927 по 1931 годы возглавлял рабфаки при московских вузах. С 1932 года – профессор кафедры по истории техники Московского института инженеров молочной промышленности. С августа 1936 года – парторг ИИН и Т Академии наук СССР. В октябре 1937-феврале 1938 годов временно исполнял обязанности директора этого института, представил к защите рукопись "Из истории техники мукомольных мельниц в средние века". Вероятно, на выбор темы сильно повлияло крестьянское детство, так как мукомольные мельницы всегда были залогом сытой жизни латышского хуторянина. А хозяин мельницы – самый зажиточный человек в округе. Мельница – древний символ технического прогресса в деревне.

В годы второй мировой войны Свикке – сотрудник особого отдела НКВД СССР. С 1945 года уже в Риге – главный редактор Госиздата, затем – профессор Латвийского государственного университета. Так вроде бы очень достойно описывается его биография.

Всё-таки 1964 год – не самое удачное время для откровений о тайнах и подробностях гибели царской семьи. Но Свикке убеждённо гордится своей причастностью к тем тяжёлым событиям и всё кивает на запылённый чемодан, лежащий на полу слева от его стола. – Там есть важные документы!

Он интригует, напускает загадочность, я вижу как ему хочется продлить и надолго стабилизировать интерес к собственной персоне. Но показывает только фотографию: царь с доктором Боткиным пилят дрова во дворе дома Ипатьева. Фото вовсе не оригинальное. Копия давно известного опубликованного снимка. Но другой документ, который показал Ян Мартынович, несомненно, интересен. Бумажка, ориентируясь на формат А-4, примерно в четверть листа. Дословно текст могу только пересказать, так как позднее в архивных бумагах Свикке этого документа не нашлось. Он нашёлся гораздо позже, но уже в фотокопии, в архиве Компартии

Латвии. Точнее – в деле Рейнгольда Берзина (Берзиньша) Речь идёт о выдаче крупной суммы денег некоему Родионову по просьбе Сталина.

– Вот, – говорит с ухмылкой Свикке, – две орфографические ошибки великого человека! Мой собеседник несколько раз повторяет: – Я всё напишу. Вот работаю над книгой "Ясные дали великого пути". Он с пафосом произносит помпезное название.

Спустя годы, я нашла его архив, переданный в 1984 году в Музей революции внучкой профессора Гунтой Антоновой. Ян Мартынович скончался в 1976 году, через двенадцать лет после нашей встречи.

После гибели обоих сыновей они остались вдвоём с женой Амалией, сопровождавшей его в своё время в походе из Екатеринбурга на Псков и Ригу. Один из их сыновей – старший Янис был необоснованно репрессирован в 1937 году. – А меня не тронули, – говорил Свикке. – Вероятно потому, что у меня на рабфаке учился сын Сталина.

Он прожил 91 год и похоронен в Риге на 1-м лесном кладбище. Амалия ушла раньше. В последние годы Ян Мартынович носил на своём обшарпанном пиджачке множество значков, сувенирных эмблем, разных незначительных регалий. Большая часть из них подарена ему на встречах с молодёжью, пионерами и комсомольцами. Видимо он очень дорожил этим вниманием. Я выяснила, что правительственных наград было у него немного: четыре медали и один орден Трудового Красного Знамени. Невесть какой почёт для старого большевика и профессионального чекиста. Но даже у самого В.И.Ленина была одна единственная награда – Орден Труда Хорезмской Народной Советской Республики.

Поручение Ленина и «демон»

Среди многих личных документов Свикке, воспоминаний его соратников, служебных удостоверений и фотографий есть автобиографический очерк "Ясные дали", но уже без "великого пути". Записки плохо систематизированы, события революции и гражданской войны изложены хаотично,

- 4. -

Приехавшая в РИГУ – дочь Ответственного Секретаря газеты "УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ", журналистка, сотрудница Уральской Областной газеты ВЛКСМ – "НА С И Е И У" тов. ИЛЬИЧЕВА, Светлана Владимировна просила меня для молодежной газеты дать ей, для опубликования : Как В.И.ЛЕНИН послал меня на УРАЛ и моя работа на УРАЛЕ.

С целью правдиво осветить исторические факты и события тех дней, я пишу о изложении ряда неоспоримых фактов: Знаменательно, что ещё в день приезда НИКОЛАЯ II РОМАНОВА на станции ЕКАТЕРИНБУРГ II-ая появились около прибывшего состава поезда два агента Сербской службы. Они были одеты, как железнодорожники, имея при себе ящики с железнодорожными инструментами – якобы для проверки колёс вагонов...

Однако вместо проверки колёс вагонов, они обратились к вверенной им охране, в составе латышских стрелков, с настойчивыми вопросами: "Откуда и кто приехали с этим поездом ?...Я отдал распоряжение охране проверить этих лиц. При обыске у этих лиц оказались: под кожаными тужурками за ремнём висящие револьверы системы "БРАУНИНГ". На плечах у них были погоны офицеров Сербской службы. Тут-же появился и французский дипломатический представитель. После выяснилось, что эти два агента Сербской службы зорко следили за каждым нашим шагом при переезде из ТОВОЛЬСКА, через ТИМЕНЬ, вплоть до города/СВЕРДЛОВСКА/, т.е. –ЕКАТЕРИНБУРГА. Когда были арестованы эти два агента Сербской службы, они оказались: один – майор Сербской службы –МИГИЧ и другой фельдфебель Сербской службы – ВОЖЕЧИЧЬ. Когда мы арестовали этих двух лиц, то вместе с ними пришли арестовать еще также одного – по фамилии СМЯРНОВА, который очень энергично помогал этим двум – по заданию иностранной разведки.

После размещения в особняке инженера ИПАТЬЕВА семьи и свиты РОМАНОВЫХ и выехал в МОСКВУ, чтобы доложить В.И.ЛЕНИНУ мою работу на УРАЛЕ по выполнению его особых заданий по доставке в трёхдневный срок РОМАНОВЫХ в ЕКАТЕРИНБУРГ. За это время в ЕКАТЕРИНБУРГЕ совершилось следующее: Сначала состав наружной и внутренней охраны РОМАНОВЫХ в доме ИПАТЬЕВА оказался случайным. Его обязанности выполняли различные Красноармейские отряды, постоянно менявшиеся из состава отрядов ВЧК.

- 8. -

Следует отметить, что мне как Военному Комиссару и члену Высшей Военной инспекции, как прикомандированному к Командующему 3-й Армии для руководства Разведотделом удалось раскрыть также одно из звеньев всероссийской контрреволюции, организованной американско-английскими империалистами с целью удупления Советской власти, отрывот Советской России Урала, Туркестана, Башкирии и объединение контрреволюционеров Урала, под ~~вождейством~~ ^{и генерал-лейтенанта ВОЕЖИМОВА} СОЛОВЬЕВА, Бориса Николаевича и генерала АДОГСКОГО с донскими, кубанскими и другими контрреволюционными мятежниками. Нити этой группы заговорщиков тянулись до ОРЕНБУРГА, до А.И.ДУТОВА /1864-1921/-атамана Оренбургского казачьего войска, действовавшего по указаниям американско-английских империалистов. Так названная "Военно-дипломатическая миссия", фактически - английская шпионско-диверсионная группа, имела местопребывание в 1918 году в ТАНКЕНТЕ и выполняла при помощи СОЛОВЬЕВА Бориса Николаевича их п л а н освобождения РОМАНОВЫХ из заключения в доме ИПАТЬЕВА, в ЕКАТЕРИНБУРГЕ. Следовательно, УРАЛ, в это время находился - в борьбе на грани двух миров и ЕКАТЕРИНБУРГ с кровавой династией РОМАНОВЫХ привлекал к себе особое внимание американско-английских империалистов и НИКОЛАЙ II РОМАНОВ был их магнитом, притягивавшим к себе белогвардейские вооруженные банды, которые мечтали сыграть историческую роль -освободить из плена "большевиков-варваров"-помазанника Божьего."...

Вот М О Я работа на У Р А Л Е . .

Профессор Я. М. С В И К К Е, член К П С С с 1904 года,

Рига, 30-го генерал-лейтенант в отставке.

Сентября
1964 года.

Я. М. Свикке

много общих фраз и мало подробностей. "Царская" тема занимает три страницы. Автор был начисто лишён литературного дара. По-русски он говорил без акцента, а писал с "акцентом". Знал ещё немецкий. В моём личном архиве хранятся также два текста, подписанные Свикке, которые он прислал в Свердловск (Екатеринбург) 26 и 30 сентября 1964 года. Пред-

ставляю несколько отрывков. (Копии текстов показаны здесь на вкладке). Стиль и орфографию сохраняю.

"Когда интервенты угрожали Тобольску, В.И. Ленин, – пишет Свикке, – устроил с товарищами Ф. Дзержинским, Якобом Петерсом, Лацисом (Судрабс) совещание. Решили перевезти царскую семью в Екатеринбург". Далее: "28 апреля 1918 года на заседании ВЧК было решено о посылке отряда особого назначения из латышских стрелков в составе 72-х человек. Царя надо было перевезти из Тобольска в Екатеринбург. ВЧК порекомендовала мне условную фамилию Родионов, которую я должен сохранить и впредь. Во время перевозки царской семьи выделенный мне отряд должен был очень следить, чтобы не допустить каких-либо провокаций или попыток освобождения заключённых, так как белогвардейцы стремились любой ценой освободить царя, объединив вокруг него все контрреволюционные силы.

2 июня 1918 года в Уфе Подвойский вручил мне удостоверение: Родионов Я.М. уполномочивается собрать точные данные по продовольственному вопросу и по организации Красной Армии. Всем Совдепам и организациям предлагается оказывать ему всяческое содействие. Подвойский был председателем Высшей военной инспекции. 9 июня я был назначен временным членом Высшей военной инспекции, а 19 июня 1918 года – членом Высшей военной инспекции. Командующим Северо-Урало-Сибирским революционным фронтом по борьбе с контрреволюцией Рейнгольдом Берзиным мне был разрешён пропуск в Екатеринбург и его окрестности".

...27 октября 2011 года следователь-криминалист Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ Владимир Соловьёв заявил, что нет ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что Ленин или представители Кремля дали приказ на расстрел царской семьи. Директор канцелярии дома Романовых Александр Закатов также проинформировал, что императорский дом не имеет сведений о прямой причастности Ленина к расстрелу царской семьи, но есть косвенные указания на возможную осведомлённость советских вождей о происходящем в Екатеринбурге. Но как же расценивать свидетельства комиссара Свикке о роли Ленина в "царском деле"?

"...приговор был вынесен тремя голосами рабочих, членов президиума Уральского областного комитета Совета рабочих депутатов во главе с т.Белобородовым, при участии членов реввоенсовета 3 армии. Когда решение вопроса стояло на заседании Реввоенсовета 3 армии, то некоторые члены Реввоенсовета возражали против расстрела всей семьи Романовых. Так как положение было крайне напряжённым и революция в это время в Екатеринбурге висела на волоске, командующий III армией т.Берзин (Р. Берзиньш – С. И.) поручил мне запросить шифрованной телеграммой по радио мнение В.И. Ленина. В ответ мы получили за подписью Ленина, Свердлова, Аванесова (секретаря ВЦИК), Троцкого и Зиновьева сообщение, что разрешается расстрелять всех". (LKM 16923/3420-Ng)

С Лениным Свикке познакомился ещё в 1907 году, они беседовали после Штутгартского конгресса II Интернационала, Ленин принимал большевика Свикке на своей квартире в Женеве в 1908 году. "И дал мне после незабываемой беседы особые задания", – вспоминает Ян Мартынович. Он подчёркивает, что "по мысли Ленина" выдержал проверку на преданного революционера в период 1905 г., февральской и октябрьской революций. А также по поручению Ленина вёл пропагандистскую работу против империалистической войны на Рижском фронте в 1917 году. "Характерно требование солдат Воронежского гарнизона, принятое на митинге 11 мая 1917 года. В резолюции о войне отмечалось, что митинг свободных граждан – солдат всецело присоединяется к резолюции делегатов с фронта в Петрограде и определяет войну как захватническую.

"Мне особенно приятно вспоминать героические годы на Урале и как Владимир Ильич Ленин посылал меня на Урал. Мне как историку хочется правдиво отобразить тот замечательный подход Ильича и особенная теплота, которую он проявил ко мне, когда я приехал к

Ленину, чтобы сообщить ему о выполненных мною его заданий по доставке в трёхдневный срок из Тобольска в Свердловск семью и свиту Романовых. Помню, как Ильич дал товарищу Стасовой Елене Дмитриевне распоряжение, прежде чем беседовать со мной о великих свершениях..., сначала накормить меня вкусным обедом в столовой Совнаркома. Когда я услышал телефонный разговор Елены Дмитриевны с Ильичём мне в глубине души снова воскресли незабываемые встречи на Штутгартском конгрессе, в гостях у Ильича и Надежды Константиновны в Женеве, в марте 1908 года. А теперь... Ленин, как милейший отец с особой теплотой встретил меня, обеими руками взяв под руки посадил меня рядом на большом кожаном кресле и улыбаясь сказал: – Ну дорогой Ян Мартынович! Я от всей души приветствую ваш приезд и расскажите, как вели себя мои славные друзья – латышские стрелки? ... Когда я обрисовал всю картину проделанной работы, Ильича глаза загорелись и он милее солнца улыбнувшись сказал: – Я знал, заранее, что латышские стрелки снова проявят себя. Ленин с отцовской теплотой напоминал, что я правильно действовал, когда послушал его указания, и отправляясь в Тобольск..., назвал себя условно под фамилией Родионов, что эту условную фамилию я должен сохранять и впредь. Будьте всегда бдительны! Бдительность несокрушимая сила жизненности! Владимир Ильич встал, вышел из-за стола, несколько раз прошёлся по кабинету, остановился возле окна. Потом повернулся ко мне и сказал: – Охрана заключённых в доме Ипатьева до сих пор не оправдала возложенные надежды, поэтому мы решили заменить внутреннюю охрану исключительно латышскими стрелками под вашим руководством и ответственностью, а по приезде в Екатеринбург вы встретите коменданта дома заключённых мною рекомендованного надёжного товарища Юровского Якова Михайловича. Вы можете вполне доверять ему, он будучи членом коллегии Екатеринбургской Чрезвычайной Комиссии, вполне оправдал себя, как чекист. Передайте ему мой привет и тёплые поздравления... Я надеюсь, что вы с товарищем Юровским сумеете оправдать моё доверие и поручения... Я дал Ильичу твёрдое обещание, что я выполню его особое поручение и буду действовать и впредь, как он рекомендовал, под условной фамилией Родионов, чтобы наши враги не могли бы расшифровать мою настоящую фамилию в деле выполнения его особых поручений – на Северо-Урало-Сибирском фронте, в том числе и в городе Екатеринбурге. Я информировал также В.И.Ленина о том, что откомандированный штабом 3-й армии в распоряжение Высшей военной инспекции, прибывший из Петрограда, товарищ Кованов Михаил Васильевич, мною назначен моим шифровальщиком, ибо он оказался для этой цели незаменимым – надёжным сотрудником. Одновременно тов. Кованов будет и казначеем вверенного мне отряда особого назначения. Ильич одобрил мои действия по данным мне особым поручениям в городе Тобольске, по пути в Екатеринбург и в деле размещения заключённых в особняке инженера Ипатьева, в доме по улице К. Либкнехта № 49.

Когда я вышел из Кремлёвской квартиры В.И.Ленина, в этот вечер мне показалось, что в Кремлёвском саду наступившая весна приветливо встречала мои шаги, пока я вышел через древнейшие ворота и около кремлёвской стены – в Александровском саду. Я испытал в словах не выразимую радость. Мне казалось, будто даже берёзы подсказывали мне светлые дали великого пути... Я заметил, что в особенности вороны сплошной чёрной массой висели на деревьях, оглашая всё кругом неистовым карканьем. И когда я услышал от Спасской башни Кремля звуки Интернационала, которые вызванивали эту бессмертную песню, именно часы, которые смонтировал не кто иной, как Берзин (латыш) слесарь кремлёвский водопроводчик... когда я заснул в предоставленной мне комнате московской гостиницы, то даже во сне кто-то повторял призыв: "Вставай, проклятем заклеянный, весь мир голодных и рабов!". По возвращении в Екатеринбург первая тёплая дружеская встреча с вновь назначенным комендантом дома особого назначения ... товарищем Юровским Яковом Михайловичем и его заместителем Никулиным Григорием Петровичем состоялась в первые дни июля 1918 года. Я от всей души приветствовал товарища Юровского Я.М. и передал ему от Владимира Ильича Ленина его

особые указания, и что нам разрешается продолжить приёмку ежедневно продуктов от монахинь женского монастыря в Екатеринбурге, однако провести ежедневно тщательную проверку приносимых продуктов."

"Над Екатеринбургом продолжала висеть чёрная ночь белогвардейщины и интервенции. В городе Екатеринбурге мною было раскрыто три заговора. В этой тяжёлой обстановке Я ИМЕЛ ЗАШИФРОВАННУЮ СВЯЗЬ С ЛЕНИНЫМ."

Напоминаю, у Свикке-Родионова был "личный шифровальщик" Михаил Кованов. А в качестве шифровальной книги служила поэма Лермонтова "Демон". "Книжка "Демон" Лермонтова служила между мною и В. И. Лениным для обмена зашифрованными заданиями и соответствующими донесениями Ильичу. Ян Мартынович Свикке"

Где теперь экземпляр этой книги? Точнее – два экземпляра. Архивы и личные вещи Ленина давно "оприходованы". Может быть в архивах ВЧК? Я пыталась расспросить внучку Свикке Гунту Яновну Антонову ещё в 1997 году, по телефону. Но тогда она заявила, что ничего не помнит, ничего не знает, не желает знать и тем более с кем-либо встречаться. Правда, подтвердила, что дед переписывался с Никулиным, но у неё ничего не сохранилось. Категорически отвергала всякие контакты и Эльза – дочь шифровальщика Кованова. Они жили в Риге на улице Малиенас. Пока был жив её отец, она весьма агрессивно ограждала его от любых встреч. Но сохранились его архивные воспоминания. Последующие поиски заставили задуматься: а была ли вообще такая шифровальная связь? Однако кажется весьма многозначительным и символичным сам выбор "Демона". Демоны в народных поверьях представляются исключительно вредоносной силой. Хотя Лермонтов видит его не злым исчадием ада, а "крылатым и прекрасным". Но всё-таки "ничтожной властвуя землёй, он сеял зло без наслажденья". Хорошо хоть "без наслажденья"...

Комиссар Родионов

Итак, в мае 1918 года Свикке в образе Родионова, сильно вдохновившись личным поручением Ленина, как он утверждал, в трёхдневный срок будто бы перевёз царских детей из Тобольска в Екатеринбург. При участии матроса Павла Хохрякова.

Эти события достаточно подробно изложены следователем Н. А. Соколовым. Привожу текст из его книги: " 17 мая отряд полковника Кобылинского был распущен и заменён красногвардейцами... Во главе этого отряда, состоявшего почти сплошь из латышей, был человек, носивший фамилию Родионова. При встрече с ним кому-то из свиты припомнилось: пограничная с Германией станция Вержболово, проверка паспортов, жандарм, похожий на Родионова. Завеса над ним немного приподнялась, когда он увиделся с Татищевым... Камердинер Волков показывает: "Родионов, увидев Татищева, сказал ему: "Я вас знаю." Татищев его спросил, откуда он его знает, где он его видел. Родионов не ответил ему. Тогда Татищев спросил его: "Где же вы могли меня видеть. Ведь я же жил в Берлине." Тогда Родионов ему ответил: "И я был в Берлине." Татищев попытался подробно узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от ответа, и разговор остался у них неоконченным." Так же говорят и другие свидетели: Кобылинский, Жильяр, Гиббс, Теглева, Эрсберг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.